

Москва, 15–20 июня 2020 г.

ВАЛЕНТНАЯ СТРУКТУРА НЕКОТОРЫХ РЕЧЕВЫХ ПРЕДИКАТНЫХ СЛОВ: НОВЫЕ НАХОДКИ¹

Иомдин Б. Л. (iomdin@ruslang.ru),

Иомдин Л. Л. (iomdin@iitp.ru)

ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова РАН,

ИППИ РАН им. А. А. Харкевича

В статье рассматриваются валентные рамки ряда русских глагольных предикатов, в значение которых входит речевой акт, а также, на некоторой стадии семантического разложения, отрицание — такие как *возражать*, *возмущаться*, *извиняться* и др. Высказывается предположение, что валентные рамки таких предикатов включают в себя пару пропозициональных валентностей, отчетливо противопоставленных друг другу: (1) валентность стимула, которая выражает положение дел, и (2) валентность реакции, которая вводит речевой акт, совершаемый субъектом в качестве отклика на это положение дел и предлагающий его объяснение. Например, в предложении *Иван извинился, что не пришел на мой день рождения* клауза, вводимая союзом *что*, выражает положение дел, а в предложении *Иван извинился, что плохо себя чувствовал* такая клауза передает речевую реакцию Ивана на положение дел (например, отсутствие на моем дне рождения), стимулирующее его дать объяснение этому отсутствию. Показано, что эти валентности нельзя адекватно описать в рамках единой семантической роли содержания. Авторы также предлагают обобщение этого явления, сравнивая его с другими типами валентных пар, и выдвигают гипотезу о существовании предикатов, имеющих два валентных центра.

Ключевые слова: речевые предикаты, валентности предикатных слов, валентность содержания, валентность стимула, валентность реакции, неоднозначное заполнение валентностей

DOI: NN.NNNNN/ANNNNNNNANNNNNNN-N

¹ Авторы благодарят РФФИ за частичное финансирование этого исследования (грант № 19-012-00291 «Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка», рук. Б. Л. Иомдин, и грант № 19-07-00842 «Разработка корпуса русских текстов, снабженного морфосинтаксической, лексико-функциональной, анафорической и темпоральной разметкой», рук. И. М. Богуславский).

VALENCY STRUCTURE OF CERTAIN PREDICATES OF SPEECH: NEW FINDINGS

Iomdin B. L. (iomdin@ruslang.ru),

Iomdin L. L. (iomdin@iitp.ru)

V. V. Vinogradov Institute of Russian Language, RAS;

A. A. Kharkevich Institute for Information Transmission
Problems, RAS

The paper discusses valency frames of a number of Russian verbal predicates whose semantics includes speech acts and, at a certain step of semantic decomposition, the negation, like *vozražat'* 'object, retort', *vozmuščat'sja* 'resent, be indignant' or *izvinjat'sja* 'apologize'. It is hypothesized that the frames of such predicates include a pair of propositional valencies distinctly opposed to each other: (1) the valency of stimulus that expresses the state of events and (2) the valency of response that introduces a speech act performed by the subject as a reaction to this state of event and offering an explanation. For example, in the sentence *Ivan izvinilsja, čto ne prišel na moj den' roždenija* 'Ivan apologized that he did not come to my birthday party' the clause starting with *čto* 'that' represents the state of events, whilst in the sentence *Ivan izvinilsja, čto ploxo sebja čuvstvoval* 'Ivan apologized that he was not feeling well' the *čto*-clause introduces Ivan's response to the stimulus (e.g. of not coming to the birthday party). It is shown that these valencies cannot be adequately described with a single semantic role of content. The authors also give a generalization of this phenomenon, comparing it to other instances of valency pairs, and suggest the existence of predicates having two valency centers.

Keywords: speech predicates, valencies of predicate words, valency of content, valency of stimulus, valency of response, valency filling ambiguity

1. Постановка задачи

Предикаты, в значение которых входят речевой акт, отрицание и оценка, могут помимо валентности субъекта иметь еще несколько сложно устроенных валентностей, каждая из которых может выражаться пропозициональным актантом. Цель настоящей работы — предложить семантическое описание этих валентностей и выдвинуть гипотезу, в каких случаях они возникают.

Для начала коротко рассмотрим два аналитических толкования из словарных статей Активного словаря русского языка (2014), с которыми мы в целом согласны: это толкования глаголов *возмущаться* (автор — В. Ю. Апресян) и *возражать* (автор — О. Ю. Богуславская).

ВОЗМУЩАТЬСЯ:

A1 возмущается A2 ‘Человек A1 испытывает сильное и глубокое неприятное чувство, вызванное ситуацией A2, которую он отрицательно оценивает как противоречащую этическим нормам, причем это чувство может выражаться в критических высказываниях A3 по поводу A2’;

ВОЗРАЖАТЬ:

A1 возражает A2 на A3, что A4 ‘Человек A1 отвечает на высказывание A3 человека A2 высказыванием A4, в котором выражает свое несогласие с A3’.

Обратим внимание на следующие два обстоятельства: (1) в обоих случаях глаголы содержат в себе указание на смысловой компонент ‘высказывание’ (т. е. мы имеем дело с речевыми предикатами) и (2) оба глагола содержат по две валентности, характеризующие непредметные (пропозициональные) ситуации: для *возмущаться* это валентности A2 и A3 (критическое высказывание A3 по поводу A2), а для *возражать* — A3 и A4 (высказывание A4 в ответ на высказывание A3).

Например, в предложении

- (1) *Брюллов возмущался тем, что Пушкина не выпускают за границу*
(А. Костин, Тайна болезни и смерти Пушкина)

при глаголе *возмущаться* придаточным, вводимым словом *тем*, выражена валентность A2, а в предложении

- (2) *«Ну что вы такое говорите, никакого Бога нет!» — возмутилась она*
(М. Козаков, Актерская книга)

прямой речью выражена валентность A3. Аналогичным образом, в предложении (3) придаточным, вводимым союзом *чтобы*, выражена валентность A3 глагола *возражать*:

- (3) *Коллектив категорически возражал, чтобы в «Ленком» пришел человек со стороны* (М. Варшавер, Человек на своем месте),

а в (4) с помощью придаточного, вводимого союзом *что*, выражена валентность A4 этого глагола:

- (4) *Наш знаменитый дирижер возразил, что фотография передает только внешность человека, а живописный портрет отражает его внутренний мир* (А. Рыбаков, Тяжелый песок).

Иногда в предложении с такими глаголами бывают насыщены обе пропозициональные валентности. Ср.:

- (5) *Я знаю, что Христос велел всех любить, а она возмущается христианством: «Как будто можно отделить в человеке одно от другого — тело от Бога», — говорит она.* (М. Шишкин, Венерин волос).

Здесь слово в творительном падеже (*христианством*) выражает валентность A2 глагола *возмущаться*, а прямая речь выражает валентность A3 этого глагола.

В примере (6) предложная группа, вводимая предлогом *на*, заполняет валентность АЗ глагола *возражать*, а однородные придаточные с союзом *что* — валентность А4:

- (6) *Марфа Игнатъевна на горькие, хотя и справедливые, упреки барина возражала, что курица и без того была уже очень старая, а что сама она в поварях не училась* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы).²

В настоящей работе мы ставим перед собой цель установить, каким семантическим ролям соответствуют приведенные выше валентности предикатных слов.

2. Валентность содержания и ее разновидности

Как представляется, во всех приведенных выше примерах отмеченные нами валентности, во всяком случае в первом приближении, предстают как валентности **содержания**. В подтверждение такой интерпретации можно привести практику Московской семантической школы; так, Ю. Д. Апресян усматривает валентность содержания (наряду с валентностью темы) у фактивных и путативных глаголов типа *знать* и *считать* [Апресян 2001]. Очевидно, что в примерах, приведенных выше, смыслы ‘знать’ или ‘считать’ входят — возможно, даже двукратно — в семантическое представление рассматриваемых глаголов *возмущаться* и *возражать*. Действительно, в (1), например, речь идет о **знании** Брюллова — субъекта возмущения, в (2) — о **мнении** субъекта возмущения, в (4) — о **мнении** того, кто возражает, а в (6) — о **знании** возражающего субъекта — Марфы Игнатъевны. Естественно, таким образом, ожидать, что глаголы *возмущаться* и *возражать* должны, по крайней мере частично, nasledовать валентную структуру глаголов *знать* и/или *считать*.

Однако ограничиться утверждением, что пропозициональные валентности рассматриваемых глаголов представляют собой валентность содержания, разумеется, нельзя. Этому противоречили бы как минимум два простых обстоятельства:

1) поскольку оба глагола допускают одновременное выражение двух пропозициональных валентностей, как в примерах (5)–(6), получилось бы, что эти глаголы имеют по две одинаковые сильные валентности, что семантически антиинтуитивно³;

2) коль скоро во многих случаях обе валентности могут выражаться одинаковыми средствами, это неизбежно влечет возможность неоднозначной интерпретации высказывания, и вряд ли можно такую неоднозначность объяснить в рамках единой семантической роли. Например, предложение

² Здесь и далее большинство примеров заимствовано из разных подкорпусов НКРЯ. Если примеры сконструированы авторами, в них не дается ссылки на литературный источник.

³ Напомним в этой связи, что в лингвистической теории И. А. Мельчука «Смысл \leftrightarrow Текст» актантные синтаксические отношения (т.е. отношения, связывающие предикатное слово в качестве вершины с его актантами в качестве зависимых) считаются неповторимыми, ср. в частности, [Мельчук 1977].

- (7) *Я возражал, что украинцев 40 миллионов* (В. Н. Гельфанд, Дневники 1941–1943 гг.)

можно понять (i) так, что говорящий не соглашается с чьим-то утверждением о количестве украинцев (тогда придаточное со *что* заполняет валентность А3 глагола *возражать*), либо (ii) так, что говорящий не соглашается с некоторым неизвестным нам утверждением и в поддержку своего несогласия сообщает информацию о числе украинцев (в этом случае придаточное заполняет валентность А4 этого глагола).

Разрешение такой неоднозначности возможно либо на основании широкого контекста; в частности, предложение (7) следует понимать способом (ii), как явствует из содержания развернутого фрагмента «Дневников» В. Н. Гельфанда:

- (7a) *Спорил со мной, доказывал, что большинство украинцев с немцами, на стороне немцев... Я возражал, что украинцев 40 миллионов, и если бы даже треть нас предала, то были бы многие миллионы предателей...*,

либо на основании энциклопедических знаний; ср.

- (8) *Коперник возражал, что Земля вращается вокруг Солнца.*

Неоднозначность того же типа обнаруживается и в примерах (9) и (10):

- (9) *Президент компании возражал, что единственной причиной гибели парохода был сильный шторм у побережья Флориды* ('не соглашался, что единственной причиной был шторм' vs. 'утверждал, что единственной причиной был шторм (а не, скажем, халатность)';
 (10) *Сын возмутился, что он будет ездить в школу один* ('не соглашался с чьим-то мнением, что он будет ездить в школу один' vs. 'не соглашался с запретом ехать одному,').

В первой интерпретации имеет место насыщение валентности А2, а во второй — насыщение валентности А3. В примере

- (11) *Прочитав письмо, Иван возмутился: «Я больше не сотрудник института!»*

также можно наблюдать валентную неоднозначность ('Иван был возмущен тем, что перестал быть сотрудником института' vs. 'Иван был возмущен чьим-то мнением, что он по-прежнему является сотрудником института'). В (11), в отличие от (10), валентности А2 (в первой интерпретации) и А3 (во второй интерпретации) выражаются не придаточным с союзом *что*, а прямой речью⁴.

На наш взгляд, приведенных примеров и рассуждений достаточно, чтобы сделать вывод о неприемлемости квалификации указанных валентностей глаголов как единой валентности содержания. Какое же решение можно тут предложить?

⁴ Тот факт, что в (10) и (11) одна из интерпретаций (с помощью валентности А3) является более вероятной, чем другая, не имеет принципиального значения для наших рассуждений.

Как известно, уже довольно давно в ряде семантических и лексикографических исследований, в первую очередь в тех, что выполнены в русле Московской лингвистической школы, валентность содержания принято расщеплять на две семантические роли — собственно валентность содержания и валентность темы (ср., в частности, [Апресян 2001], [Кустова 2015], [Левонтина 2016]). Такие валентности свойственны многим предикатам сообщения, а также фактивным и путативным глаголам.

В номенклатуре семантических ролей фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна [Апресян и др. 2010: 376] роли собственно содержания и темы определяются следующим образом: содержание — это «то основное, к чему сводится существо нашего знания, мысли или высказывания или смысл нашего действия», а тема — «то, что составляет предмет высказывания, мысли или информационного объекта».

Тем самым тема несет гораздо менее детальную информацию о ситуации, чем содержание. Например, в предложении

(12а) *Я слышал, что Маша и Петя собираются пожениться*

при глаголе *слышать* выражена валентность содержания, а в предложении

(12б) *Я слышал о Маше и Пете*

выражена валентность темы. Часто валентность темы и содержания выражаются при одном предикате одновременно, как в предложении

(12в) *Я слышал о Маше и Пете, что они собираются пожениться.*

Еще одна особенность валентностей темы и содержания состоит в том, что они могут выражаться одинаковыми средствами, в первую очередь предложными группами, ср.

(13а) *Мы знаем о вашем намерении*

(валентность темы; какое именно намерение имеет место, мы не знаем) и

(13б) *Мы знаем о вашем намерении поступить в университет*

(валентность содержания: это предложение можно перефразировать с помощью пропозиции как *Мы знаем, что вы намереваетесь поступить в университет*).

Очевидно, что автоматический выбор интерпретации такой предложной группы при предикате представляет собой исключительно трудную задачу, едва ли имеющую сколько-нибудь общее решение.

Можно ли оппозицию валентностей содержания и темы использовать для адекватного представления валентных рамок глаголов *возмущаться* и *выражать*, которые были рассмотрены выше? Определенно нет. Нетрудно убедиться в том, что интересующие нас валентности А2 и А3 глагола *возмущаться* и валентности А3 и А4 глагола *возражать* несут соизмеримый объем информации, и ни одна из них не может расцениваться как валентность темы. Добавим, кроме того, что валентности темы и содержания, выраженные при

одном предикате, находятся в отношении частичной кореференции в смысле [Падучева 2004]: невозможно представить себе высказывание типа

(12г) **Я слышал о Маше и Пете, что Леша и Наташа собираются пожениться*

(если только из широкого контекста или экстралингвистической информации не следует существование связи Маши и Пети с Лешей и Наташей). Никаких ограничений такого рода на рассматриваемые здесь валентности не накладывается.

В недавней статье [Иомдин и Иомдин 2020] авторы предложили описывать эти валентности как **валентность факта** (она предназначена для представления состояния дел, с которым не согласен субъект соответствующего речевого действия — это валентность А2 у *возмущаться* и А3 у *возражать*) и **валентность аргументации** (выражающую непосредственно содержание речи этого субъекта — таковы валентность А3 у *возмущаться* и А4 у *возражать*).

Для рассматриваемых в настоящей статье случаев термин «валентность факта» может быть не вполне подходящим: он ассоциируется с фактивными глаголами, которые вводят факты реальной действительности, между тем как в выражениях типа *возмущаться некоторым Р* или *возражать против некоторого Р* пропозиция Р не обязана быть фактом: она может быть идеей, гипотетическим событием или вообще ложью.

По существу, пропозиция Р, выражаемая валентностью А2 у *возмущаться* и валентностью А3 у *возражать*, отражает повод для возмущения или возражения, мотивацию, **стимул** для речевого действия. Именно на этот стимул субъект **реагирует** при помощи второй из рассматриваемых валентностей — т.е. валентности, соответствующей содержанию его речи (для *возмущаться* это А3, для *возражать* — А4).

3. Свойства предикатных слов с валентностями стимула и реакции

Посмотрим теперь, какими свойствами обладают предикатные слова, валентная структура которых содержит валентности стимула и реакции.

Мы начнем со способов выражения обоих типов валентностей. Поскольку и та, и другая валентности являются пропозициональными, естественно ожидать, что они выражаются в первую очередь посредством союзов (точнее, придаточных, вводимых союзами), а также бессоюзными придаточными.

Примеры союзного и бессоюзного оформления этих валентностей мы приводили выше, в **разделах 1 и 2**. Рассмотрим еще несколько примеров, характеризующих разные аспекты заполнения этих валентностей.

Придаточные, реализующие при предикатах валентность реакции, часто содержат показатели косвенной речи: *мол, дескать, де, якобы* и т.д.; ср. (14) и (15):

(14) *Никанор Иванович в некотором недоумении возразил, что, мол, иностранцам полагается жить в «Метрополе», а вовсе не на частных квартирах* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);

(15) *Вот собираются они там и начинают считать: на исследование кольчатых червей мы бросим сто мегаватт, на проталкивание такого-то проекта — семьдесят пять гигаватт, а на запрещение Малянова хватит и десятки. А кто-нибудь там возражает: десятки-де мало* (А. и Б. Стругацкие, *За миллиард лет до конца света*).

Сюда же относится употребление в клаузах, выражающих валентность реакции, характерных элементов разговорной речи, таких как *отродясь* в (16):

(16) *Я надеваю новое платье, а он возмущается, что таких женщин у нас в роду отродясь не было* (Е. Завершнева, *Высотка*)

Любопытный семантический эффект можно наблюдать в примере (17):

(17) *Помню, как я возражала, чтобы не брали с собой эти «тряпки», не брали лишних вещей. Хорошо, что мама не послушала меня: именно эти «тряпки» помогли нам выжить в эвакуации — мы меняли их на продукты* (И. Архипова, *Музыка жизни*).

Несомненно, здесь мы имеем дело с заполнением валентности реакции: очевидно, что позиция субъекта состояла именно в том, что лишние вещи **не следует брать с собой**, т. е. субъект возражал против того, чтобы их брали. Речевое же высказывание оказывается по смыслу полностью противоположным содержанию возражения: возражала, чтобы брали, говоря «не берите». В результате получается, что фраза

(17a) *Возражала, чтобы не брали лишних вещей*

может быть полностью синонимична фразе

(17б) *Возражала, чтобы брали лишние вещи.*

Объясняется это тем, что в (17a) и (17б) заполнены разные валентности — в (17a) валентность реакции, а в (17б) — валентность стимула. Очень часто реакция на стимул состоит в отрицании того, что содержится в стимуле. Этот эффект не обязательно присутствует в высказываниях с предикатами, имеющими валентности стимула и реакции, но достаточно характерен для них. Добавим, что в (17) мы имеем дело с нетипичным заполнителем валентности реакции: она почти никогда не выражается союзом *чтобы*.

Обратимся теперь к вопросу о том, каков класс предикатных слов, которые обладают набором валентностей, содержащих валентности стимула и реакции. Разумеется, рассмотренным выше списком из двух глаголов этот класс не исчерпывается, хотя он довольно ограничен. Насколько удалось обнаружить авторам, этот класс состоит из предикатов, смысл которых содержит, во-первых, отрицание некоторой пропозиции (на каком-либо уровне семантического разложения), а во вторых, речевое высказывание.

Приведем несколько примеров в дополнение к рассмотренным выше. Очень похожим образом ведет себя глагол *извиняться*. Ср. предложения

- (18) *Он извинился, что заставил себя ждать, и спросил, чем может служить*
(Н. С. Лесков, На ножах),

в котором выражена валентность стимула (субъект извинения считает плохим, что заставил себя ждать, и выражает сожаление об этом), и

- (19) *Он извинился, что ему надо домой, и стал прощаться* (Л. Н. Толстой, Воскресение),

в котором имеет место валентность реакции (извинился не за то, что ему надо домой, а за нечто эксплицитно не названное, скорее всего, за то, что уходит): обратим внимание, что в отличие от (18), в этом предложении неуместно добавить за то, хотя предлог за — стандартный способ реализации валентности стимула при извиняться.⁵

Аналогичное актантное поведение демонстрирует глагол *простить* (выступающий, прежде всего в форме императива, в качестве формулы извинения); ср. (20), где в первом предложении у *простить* выражена валентность стимула, и (21), где налицо валентность реакции этого глагола:

- (20) *Простите, что я вас расстроила. Я не ожидала такой реакции*
(И. Грекова, Скрипка Ротшильда)

- (21) *Простите, я не хотел вас обидеть* (говорящий извиняется за нечто неназванное).

При глаголе *простить* в этом значении валентность реакции, по-видимому, не допускает выражения с союзом *что* и выражается лишь бессоюзно.

Похожим образом ведет себя в отношении рассматриваемых валентностей и перформативное выражение *прошу прощения*:

- (22) *Еще раз прошу прощения, что обеспокоил Вас длинным, ненужным письмом* (А. Куприн, Гранатовый браслет) [валентность стимула] vs.

- (23) *А теперь прошу прощения, меня ждет народ* (В. Липатов, И это все о нем) [валентность реакции].

Очень близкой валентной структурой обладает и квазисинонимичный глаголу *извиняться* глагол *оправдываться*, допускающий как валентность стимула, ср. (24)–(26):

- (24) *Я должен был оправдываться перед невежественными людьми, что занимаюсь увлекающими меня вопросами* (А. Чижевский, Вся жизнь);

- (25) *Не хожу... И не буду оправдываться, что не хожу на политические шоу*
(С. Алексиевич, Время second-hand);

⁵ Отметим, что до XX века глагол *извиняться* мог управлять именной группой в творительном падеже, что в МАС помечено как устар., а в БАС еще дано без всякой пометы: 'Привести что-л. в качестве смягчающего вину обстоятельства, в качестве оправдания', ср. *Я отказался решительно от декламации, извинившись тем, что ничего припомнить не могу* (С. П. Жихарев, Записки современника). Эта именная группа заполняет валентность реакции.

- (26) *И мне бывает больно оправдываться за то, что я не умер*
(Ф. Искандер, Сандро из Чегема) —

так и валентность реакции:

- (27) *Этот лживый барабанщик, которого давно уже вычеркнули из списков четвертого отряда, вероятно, будет плакать и оправдываться, что все вышло как-то нечаянно* (А. Гайдар, Судьба барабанщика);
- (28) *Иван Поликарпович стал неловко оправдываться, что, мол, врачи иногда ошибаются в долгосрочных «прогнозах», ничего не поделаешь, живые люди, а не автоматы* (Ф. Незнанский, Черный амулет).

Есть валентности стимула и реакции у глаголов смежного лексического класса *повиниться* и *каяться/покаяться*. Так в (29)

- (29) *Еще я должен повиниться, / Что в постный день я у девицы, / У этой Лиззи смуглолицей, / Гостил тайком. / Но я в тот день, как говорится, / Был под хмельком* (Р. Бёрнс, Молитва святоши Вилли, пер. С. Маршака)

выражена валентность стимула, а в (30)

- (30) *Повиниться надо, что сгоряча! Повиниться!* (Б. Васильев, Дом, который построил Дед) —

валентность реакции: говорящий считает, что собеседнику надо повиниться (в каком-то неназванном проступке или преступлении), и побуждает его про-реагировать утверждением, что это было сделано сгоряча. Аналогично, в (31)–(32) выражена валентность стимула глагола *(по)каяться*, а в (33)–(34) — валентность реакции.

- (31) *Должен покаяться, что и меня в то время захватила идея крупных сельских поселений* (А. Яковлев, Омут памяти);
- (32) *Впоследствии он всю жизнь каялся, что так долго откладывал эту поездку.*
- (33) *И вот однажды она бросилась мне в ноги и со слезами покаялась, что Андрей Яковлевич соблазнил ее, обещая взять к себе в дом, когда женится на барышне, т. е. на мне* (А. В. Амфитеатров, Отравленная совесть):

понятно, что кающаяся героиня повести аргументирует свое поведение, а не сообщает, в чем состоит ее грех. Тот факт, что он легко вычисляется, не имеет отношения к квалификации валентностей.

- (34) *Дьякон, произносивший «о блаженном успении вечный покой», поперхнулся смехом на этом месте, потом каялся, что-де только дошел до высокой ноты, посмотрел на протоиерея и сразу в глазах, как живой, козел зеленый явился, как дьявол смешнувший...* (К. С. Петров-Водкин, Моя повесть).

Примечательно, что глагол *(по)каяться* имеет валентности стимула и реакции, а *раскаяться*, во всяком случае, в современных употреблениях — не имеет:

в его смысл не входит обязательное речевое действие, и весьма сомнительно высказывание типа **Она раскаялась, что Андрей Яковлевич соблазнил ее. У раскаиваться* есть лишь валентность стимула, которую в отсутствие оппозиции скорее следует считать валентностью содержания, как в (35)–(36):

- (35) *Я тотчас же раскаялся, что напугал ее, заставил считать часы, и проклял себя за припадок злости* (Ф. М. Достоевский, Белые ночи);
- (36) *Товарищ Бездомный, помилуйте, — ответило лицо, краснея, пятась и уже раскаиваясь, что ввязалось в это дело* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Еще один интересный лексический класс предикатов, имеющих валентности стимула и реакции — это несколько речевых глаголов со значением отказа: *отнекиваться* (см. примеры (46)–(47) ниже), *отпираться* и *отбрёхиваться*. Приведем несколько примеров этих глаголов без подробных комментариев.

- (37) *Вы ко мне писали, / Не отпирайтесь* (А. С. Пушкин, Евгений Онегин):

здесь первое предложение бессоюзно реализует валентность стимула при глаголе *отпираться* (= не отпирайтесь, что вы ко мне писали);

- (38) *Я был среди тех кружковцев, кто высказывался и веселился. Отпирался, что пишу стихи, и впервые прочел их только осенью 1939 года на третьем году хождения к Брику* (Б. Слуцкий, О других и о себе);
- (39) *Он этого не знал и готовился по-прежнему отпираться, что-де бунта не заводил и на государево здоровье не умышлялся...* (А. Н. Толстой, Петр Первый).

В (38) тоже выражена валентность стимула, а в (39) — валентность реакции при глаголе *отпираться*.

- (40) *Я так и не смог отбрехаться, что прогулял работу* (валентность стимула у отбрёхиваться);
- (41) *Пробую отбрехаться, что с работой я не знаком* (В. Лазарев, Сборник воспоминаний) — валентность реакции.

Интересно, что более ходовые слова этого класса — *отказываться* и *отрицать* — парой рассматриваемых валентностей этого класса, как кажется, не обладают, по-видимому, поскольку они в меньшей степени могут рассматриваться как речевые акты.

Приведем еще один класс предикатов, имеющих эту пару валентностей: это глаголы, обозначающие высокую степень возмущения, сопровождающегося резкой речевой реакцией: *вспылить* и *взвиться*. В предложениях (42)–(43) выражена валентность стимула этих глаголов, а в предложениях (44)–(45) — валентность реакции).

- (42) *Однажды будущий крестный отец вспылил, что его заставляют слушать «всякую ерунду за его же деньги»* (сайт «Дело Модульбанка»);

- (43) *Индир взвился, что ему не хватает сил одновременно залечить и обезболить. Придется выбрать что-то одно* (А. Волкова, Гордость черного дракона);
- (44) *Акира вспылил, что он имеет право делать то, что хочет* (интернет-форум Slash World);
- (45) *Когда я сказала ему об этом, он взвился, что я его преследую, и забанил меня везде* (интернет-форум Cosmo).

Отметим в заключение этого раздела, что все предикатные слова, имеющие валентности стимула и реакции, устроены семантически похожим образом: они вводят некоторую ситуацию, которая с какой-то точки зрения является неудовлетворительной, и эта ситуация стимулирует речевую реакцию, которая данную ситуацию объясняет. Если хотя бы один из этих двух элементов — исходная неудовлетворительная ситуация или реакция на нее, в семантике слова отсутствует, появление таких валентностей исключено. Поэтому такие речевые глаголы, как *сообщать*, *информировать*, *обрадовать*, равно как и *свернуть*, *солгать*, *обмануть* этой парой валентностей не обладают. Еще один характерный пример — внешне похоже устроенные глаголы *отнекиваться* и *поддакивать*, образованные от реплик *не(т)* и *да*, соответственно. Глагол *отнекиваться* имеет валентности стимула и реакции (описанные в [Иомдин и Иомдин 2020] как валентности факта и аргументации), ср.

- (46) *Так вот почему она отнекивалась, что ест по ночам* (П. Дрожжинова. Внутренние миры) —

факт, стимул vs.

- (47) *Лещев попутно уговаривал меня выпить портвейну, а я отнекивался, что и так слишком много пью* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов») —

аргументация, реакция. Глагол же *поддакивать*, в семантику которого не входит отрицание, имеет только вторую из этих валентностей — реакции, которую можно просто называть валентностью содержания:

- (48) *Я поддакивал, что это, дескать, точно, пустяки* (Н. Г. Чернышевский, Что делать).

Отметим, что в принципе реакция может быть и невербальной, и тогда валентность реакции заполняется не придаточным предложением с союзом, а деепричастным оборотом или конструкцией с союзом *и* и глаголом в личной форме.⁶

⁶ Напомним, что такие неканонические способы заполнения валентности глаголов известны и описаны в литературе; таковы, например глаголы *спохватиться*, *изловчиться* [Богуславский 1996: 31] или интерпретационные глаголы [Апресян 2004].

- (49) *Третьи возмущаются, выискивая в новой моде что-то вызывающее, потом ее все равно принимают, но с большим опозданием* (Н. Аршавская, Искусство одеваться);
- (50) *До конца приема работ осталось всего четыре дня, а самому господу богу для сотворения мира потребовалась целая неделя. Но Степан возразил, показав в ответ шесть пальцев — к четырем дням он прибавил две ночи* (К. Абрамов, Степан Эрзя);
- (51) *Примерно через квартал поравнялся с ним, он мне бикнул и через стекло извинился, показав жёстами, что не увидел меня* (автомобильный интернет-форум);
- (52) *Потому рокер и вспылел, нанеся «пошутившему» фанату внушительный удар* («Комсомольская правда», 2013.03.16);
- (53) *Когда Фомин ударил его по лицу, Валько вспылел и сбил полицейского с ног* (А. Фадеев, Молодая гвардия).

Интересно, что в таком случае валентность реакции может выражаться и у глаголов *отказаться* и *соглашаться*:

- (54) *Кивком предложила выпить управляющему — тот отказался, покачив головой и похлопав рукой по правому боку: печень* (М. Нестеров, Агент ливийского полковника);
- (55) — *Может, прорвемся с боем, все-таки Аллах с нами? — сказал кто-то. Я отказался и покачал головой* (А. Самари, Русская жена эмира);
- (56) *Рыцарь молча соглашался, кивая головой* (М. Шелков, Проект «Калевала»).

Конструкция с деепричастием может называть и речевую реакцию (но не стимул):

- (57) *Наташа Лаптева попробовала было возразить, сказав, что нельзя бить человека по лицу, ногами, нельзя!* (С. Соловейчик, Ватага «Семь ветров»).
- (58) *Я очень возмущился, говоря, что служу уже шесть лет и все питаюсь ихними завтраками* (Е. Попов, Мыслящий тростник).

Итак, предикаты, в значение которых входят речевой акт, отрицание и оценка, имеют валентности стимула и реакции, если они вводят ситуацию, которую не одобряет субъект, и эта ситуация стимулирует речевую реакцию, которая ее объясняет. При этом обе валентности могут заполняться пропозициональным актантом, что в некоторых случаях затрудняет интерпретацию соответствующих предложений вне широкого контекста.

4. Слова с двумя валентными центрами

Завершая рассмотрение предикатов с валентностями стимула и реакции, попытаемся сделать некоторое семантическое обобщение.

По нашему убеждению, в русском языке есть несколько классов предикатов с нетривиальной семантикой, которые характеризуются наличием связанных друг с другом семантических валентностей — таких, которые у других предикатов не различаются и объединены в одну валентность. Два таких класса были рассмотрены выше — это класс слов с валентностями содержания и темы и класс слов с валентностями стимула и реакции. Нам хотелось присовокупить к ним еще один класс слов, в которых фигурируют связанные валентности. Мы имеем в виду русские глаголы с приставкой *до*, которые описывают немонотонные действия достижения предела: это, в частности, глаголы движения и положения в пространстве типа *добежать*, *доплыть*, *доехать*, *дойти*, *досидеть*, *долежать*, а также глаголы завершения действия типа *доучиться*, *доработать*, *досмотреть*. Как было показано в [Апресян 2006] и уточнено в [Iomdin and Iomdin 2013], эти глаголы приобретают в дополнение к основной (в первую очередь объектной) валентности производящего глагола (*бежать*, *плыть*, *учиться*, *смотреть* и т. п.) валентность недостающего количества. Эта валентность в большинстве ситуаций выражается у глаголов с отрицанием (ср. *не пробежал всего десять метров до финиша*, *не доучился один семестр в университете и пошел в армию*), но допустима и в отсутствие отрицания (*добежал последние десять метров*, *доучился оставшийся семестр в университете*) и т. п.

Таким образом, рассмотренные нами предикаты не уникальны и пополняют арсенал языковых единиц, имеющих два семантических центра. Эти единицы, конечно, находятся на периферии семантической системы языка, но занимают в ней заметное место.

Литература

1. *Активный словарь* (2014): Активный словарь современного русского языка. / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, (2014). — Т. 2. ISBN 978-5-(9906)039-2-9.
2. Апресян Ю. Д. (2001). Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке. // Русский язык в научном освещении. — № 1. — М. — С. 5–26.
3. Апресян Ю. Д. (2004). Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства. // Русский язык в научном освещении. — № 1 (7). — М. — С. 5–22.
4. Апресян Ю. Д. (2006). Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. — СПб., — С. 15–27
5. Апресян и др. (2010). Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря [Studia philologica]. М.: Языки славянских культур.
6. Богуславский И. М. (1996). Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры».

7. *Иомдин Б. Л., Иомдин Л. Л.* (2020). Валентность факта и валентность аргументации. // От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. Сборник статей к 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна. Труды ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, вып. XXIV (в п
8. *Кустова Г. И.* (2015). Валентности абстрактных существительных: Редукция vs. Конкретизация // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог (2015)». Вып. 14 (21): М.: РГГУ.
9. *Левонтина И. Б.* (2016). О чем речь? М., Corpus.
10. *Мельчук И. А.* (1977). О типах поверхностно-синтаксических отношений (три критерия различения). // *Russian Linguistics*, Vol. 3, No. 3/4, pp. 245–270.
11. *Падучева Е. В.* (2004). Динамические модели в семантике лексики. М., Языки славянской культуры.
12. *Iomdin B., Iomdin L.* (2013). Negation and Valencies of Russian Predicates. // *Meaning Text Theory: Current Developments. Wiener Slawistischer Almanach*, issue 85. München.

References

1. *Active Dictionary* (2014), Active dictionary of the Russian language [Aktivnyy slovar' russkogo yazyka]. V. 2. / V. Yu. Apresjan, Yu. D. Apresjan, E. E. Babaeva, O. Yu. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, M. Ya. Glovinskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. A. Lopukhina, A. V. Ptentsova, A. V. Sannikov, E. V. Uryson. Editor-in-Chief: Yu. D. Apresjan. — Moscow, Jazyki russkoj kultury. — 736 p.
2. *Apresjan Yu. D.* (2001), Systemic meanings «know» and «believe» in Russian. [Sistemoobrazujushchie smysly «znat'» i «schitat'»]. // *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1. P. 5–26.
3. *Apresjan Yu. D.* (2004), Interpretation words: semantic structure and properties. [Interpretacionnye glagoly: semanticheskaja struktura i svojstva]. // *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1 (7). P. 5–22.
4. *Apresjan Yu. D.* (2006), Types of relations between semantic and syntactic actants [Tipy sootvetstvija semanticheskix i sintaksicheskix aktantov]. // *Problemy tipologii i obshchej lingvistiki*. St. Petersburg. P. 15–27.
5. *Apresjan Yu. D. et al.* (2010), Yu. D. Apresjan, I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, V. Z. Sannikov. Theoretical Issues of Russian Syntax: Interaction of the Grammar and the Lexicon. [Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: vzaimodejstvie grammatiki i slovarja.] Moscow, Jazyki slavyanskix kul'tur. [Studia philologica].
6. *Boguslavsky I. M.* (1996), The sphere of action of lexical units. [Sfera dejstviya leksicheskix edinic]. Moscow, Shkola “Jazyki russkoj kultury”.
7. *Iomdin B., Iomdin L.* (2013), Negation and Valencies of Russian Predicates. // *Meaning Text Theory: Current Developments. Wiener Slawistischer Almanach*, issue 85. München.

8. *Iomdin B. L., Iomdin L. L. (2020), Valency of Fact and Valency of Argumentation [Valentnost' fakta i valentnost' argumentatsii. // Валентность факта и валентность аргументации. // Ot semanticheskix kvarkov do vselennoj v alfavitnom porjadke. Sbornik statej k 90-letiju akademika Yuriya Derenikovicha Apresjana. Trudy IRYA RAN im. V. V. Vinogradova, vyp. XXIV (in print).*
9. *Kustova G. I. (2015), Valencies of Abstract Nouns. Reduction vs. Specification. [Valentnosti abstraktnyx sushchestvitel'nyx. Reduktsija vs. Konkretizatsija. // Валентности абстрактных существительных: Редукция vs. Конкретизация // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conferences «Dialogue-2015». Issue 14(21). Moscow, RSUH.*
10. *Levontina I. B. (2016), What is it about? [O chem rech'?]. Moscow, Corpus.*
11. *Mel'čuk I. A. (1977), On the types of surface-syntactic relations (three criteria for distinguishing). [O tipax poverxnostno-sintaksicheskix otnoshenij (tri kriterija razlichenija)]. // Russian Linguistics, Vol. 3, No. 3/4, pp. 245–270.*
12. *Paducheva E. V. (2004), Dynamic Models in the Semantics of the Vocabulary [Dinamicheskie modeli v semantike leksiki]. Moscow, Jazyki slavyanskoj kul'tury.*